

**Елена Иванян, Халина
Кудлинська, Ирина Никитина**

**Метафорические эвфемизмы
деликатной темы в русском,
польском и английском языках**

Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica 8, 50-63

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Елена Иванян

*Поволжская гос. социально-гуманитарная академия (Самара)
Кафедра русского языка, культуры речи и методики их преподавания*

Халина Кудлиньска

Лодзинский университет

Кафедра языкознания Института русистики (Польша)

Ирина Никитина

Самарский институт (филиал) Российского гос. торгово-экономического университета, Кафедра иностранных языков

Метафорические эвфемизмы деликатной темы в русском, польском и английском языках

Язык как динамическая адаптивная система, способная чутко реагировать на изменения в языковом социуме, выполняет ряд коммуникативных задач, обслуживая разные сферы общения. Каждая сфера общения в соответствии с теми коммуникативными задачами, которые ставятся в ней, предъявляет к языку свои требования. Общеизвестно, что «есть ситуации, в которых все должны вести себя предельно прямолинейно (крик о помощи), и ситуации, в которых все избегают прямолинейности (табуируемые темы общения)» (Карасик 2007: 80). В частности, исторически сложились в языковой системе способы эвфемистической номинации всего, что нарушает культурные стереотипы общения. Это в основном наименования явлений, которые представляют собой воплощение социально неприемлемого, стигматичного. В связи с этим эвфемизмы как «специализированные знаки, выполняющие функцию гомеостаза» (Шейгал 2004: 179), можно рассматривать как речевой акт осознанного смягчения речи и частный случай коммуникативной стратегии косвенности, позволяющей обходить коммуникативные трудности и кризисные ситуации (Шейгал 2004: 193).

Понятие косвенности, или непрямой коммуникации, можно определить в самом общем виде как содержательную осложненность речи, при которой происходит отступление от языковой конвенции, которое ощущается участниками коммуникации (Дементьев 2003:13). В основе категории косвенности всегда лежит некое противоречие, которое находит выражение и в процессе эвфемизации. Как отмечает Е. И. Шейгал, «диалектическая природа эвфемистического переименования заключается в том, что результатом данного процесса должна выступать номинация, которая, с одной стороны, вуалировала бы суть явления, а с другой – узнавалась бы коллективом носителей языка как обозначение того же референта» (Шейгал 2004: 188). Таким образом, как считает автор (Шейгал 2004: 189), эвфемистическая номинация «представляет собой результат свое-

образного компромисса между семантикой (отражение сущности денотата) и прагматикой (отражение интересов говорящего)».

С когнитивной точки зрения, эвфемизация есть способ оценочной категоризации, ибо – как справедливо отмечает польский ученый Анна Домбровска – «eufemizm już niejako z definicji zawiera w sobie element oseny» (Dąbrowska 1992: 120). Оценочная категоризация направлена, в данном случае, на перекодирование с переключением отрицательного оценочного знака на нулевой или положительный. При этом эвфемизмы относятся к «эмоционально настраивающим тактикам» (Ковшова 2007: 105), которые сближают говорящего и слушающего.

Наиболее продуктивным и полным при описании процесса эвфемизации в поле «деликатной» темы, как представляется, может оказаться детально разработанный риторический аппарат. Согласно такой установке эвфемистическая субституция трактуется как проявление запланированной речи и усиленной, нетривиальной, «необычной», то есть вторичной языковой организации. Эвфемизация функционирует по отношению к конкретной коммуникативной ситуации как стратегия, направленная на смещение прагматического фокуса и достижение конкретной прагматической цели, заключающейся в передаче скрытой (имплицитной) информации путем зашифровки ситуативно неуместных тем и слов согласно нормам риторического этикета.

По мнению многих современных авторов, приемы эвфемистической замены связаны, в первую очередь, с «отклонениями от стереотипа восприятия, образования и использования языковых единиц» (Гридина 1996: 9). Они основаны на различных разновидностях фигур и, в частности, на фигурах экспрессивной деривации, «служащих созданию номинативных единиц с выразительной внутренней формой» (Москвин 2007: 795). Следовательно, вслед за Ж. Женеттом, понятие фигурации речи можно определить как «зазор между знаком и смыслом, как пространство внутри языка» (Женетт 1998: I, 208), в котором путем деавтоматизации привычных фонетических, лексико-семантических и синтаксических структур порождаются новые способы восприятия и прагматического воздействия. Таким образом единицы и знаки первичного кода переводятся в знаковую систему высшего порядка (риторический код), в которой они становятся предметом приемов, определяемых вторичными принципами. Как справедливо отмечает Женетт, «фигура – это отступление от узуса, которое в то же время само узואльно» (Женетт 1998: I, 208).

В данной работе представлены некоторые результаты международного проекта «Деликатная тема на разных языках», итогом которого стал собственно словарь эвфемизмов русского, польского и английского языков. Здесь мы рассмотрим процесс эвфемистической субституции на примере эвфемизмов «деликатной темы» русского, польского и английского языков – темы туалета, уборной, физиологической человеческой нужды. В сопоставляемых языках данная группа занимает существенное место в идеографической классификации всех так называемых «бытовых» (Москвин 2007: 166), «семейно-бытовых»

(Ларин 1961:122) или «обиходно-бытовых» (Ковшова 2007: 84) эвфемистических обозначений. Отметим, что тема естественных физиологических отправлений человеческого организма и сопутствующие ей моменты подлежат запрету на прямое обозначение в большинстве человеческих культур (см., напр., Левкиевская 1999: 437, Лапорт 2010, Douglas 2007, Wasilewski 2010).

С лексико-семантической точки зрения данная тематическая группа представлена следующими микрогруппами эвфемизмов: 1. 'дефекация'; 2. 'мочеиспускание'; 3. 'туалет, пойти в туалет'; 4. 'отходы жизнедеятельности'; 5. 'сосуды'; 6. 'разное'.

Рассматривая языковую технику эвфемизации, следует отметить, что процесс непрямого наименования нежелательного денотата реализуется обычно с помощью относительно постоянного набора «инвариантных» приемов – фигур речи, среди которых видное место принадлежит лексической инновации и, в первую очередь, фигурам семантического переосмысления, основанным на семантическом переносе. Как считает крупнейший польский эвфемист А. Домбровска, в результате семантической деривации образуется около 40% эвфемизмов разговорной польской речи (Dąbrowska 1994: 287). В основе семантической инновации часто лежит метафора – важнейшая номинативная техника, которой пользуется человек, и наиболее продуктивное средство приспособления языка к постоянно видоизменяющемуся отображению мира и миропониманию. В. Н. Телия отмечает, что «по существу метафора является моделью, выполняющей в языке ту же функцию, что и словообразовательная модель, но только более сложную и к тому же действующую "скрыто" и нестандартно» (Телия 1988: 180). Именно на эвфемистической метафоре (и всех ее разновидностях) мы особенно сосредоточим свое внимание в статье. Материалом для сопоставительного анализа эвфемистической метафоры послужили новейшие лексикографические источники (см. список в конце работы), а также собранный языковой материал личной картотеки авторов. Данный прием вторичной номинации представлен в нашем материале в равной степени однословными эвфемизмами и метафорическими перифразами.

Охарактеризуем метафоры деликатной темы по тематической принадлежности вспомогательного субъекта, то есть в соответствии с тематической соотношенностью сравнения, лежащего в основе метафоры. С этой точки зрения все эвфемизмы «туалетной темы» можно объединить в несколько семантических групп.

Во-первых, в трех сопоставляемых языках прослеживается общая модель сравнения процессов мочеиспускания и дефекации с миром природы, с естественными природными потребностями, при этом природа в них представлена как антропоморфное существо (прием олицетворения). Сравним эвфемистические обозначения естественной надобности:

русск. *зов природы, отдавать долг природе;*

польск. *oddać hołd naturze* (букв. воздать почести природе), *matka natura wzywa* (букв. мать природа зовет);

англ. *demands of nature* (букв. требования природы), *call of nature* (букв. зов природы), *nature's needs* (букв. нужды природы), *demands of nature* (букв. природная потребность), *natural functions* (букв. естественные/природные функции), *natural necessities* (букв. естественные нужды), *perform a natural function* (букв. выполнять/выполнить природные функции). Отметим, что большинство метафор названной группы фиксируются как эвфемизмы с середины XVIII в. и помечаются в словарях как устаревающие.

Мотив необходимости выполнения требований природы лежит в основе интерлингвального эвфемистического наименования туалета:

русск. *нужник, нужный чулан*;

польск. *komórka potrzebna* (букв. нужная комнатка);

англ. *necessary house* (букв. необходимый дом).

В целом в эвфемизмах трех языков такой прием образования является непродуктивным. Это устаревающие нейтральные эвфемистические фразеологизмы, новые заменяющие наименования подобным образом не образуются.

Кроме того, антропоморфные метафоры содержатся в микрогруппе эвфемистических наименований туалета, унитаза или в составе сочетаний в микрогруппе 'идти/пойти в туалет', 'туалет'. Они образуются с помощью:

а) имени нарицательного, напр.:

русск. *солдатик* – вм. деревянный туалет без смыва, *белый/фарфоровый/бледнолицый друг* – вм. унитаз; польск. *ciotka* (букв. тетка) – вм. туалет;

б) имени нарицательного в составе словосочетания, напр.:

русск. *позвонить бабушке, маме, президенту*; польск. *iść (pójść) do króla* (букв. идти/пойти к королю) – вм. пойти в туалет.

Интересно отметить, что в русской и польской мужской речи употребляется эвфемизм, образованный на основе приема олицетворения органа мочеиспускания, ср.:

русск. *отойти помочь своему другу* – вм. отойти помочиться;

польск. *podać (podawać) rękę najlepszemu przyjacielowi żony* (букв. здороваться/поздороваться за руку с лучшим другом жены) – вм. мочиться/помочиться.

Во-вторых, как прием эвфемии нередко выступает прономинация – метафорическая фигура, состоящая в экспрессивном использовании имени собственного в значении нарицательного (Москвин 2007: 592). В данном случае прием деонимизации (или апеллятивации) используется прежде всего в качестве косвенного наименования туалета и в составе сочетаний в микрогруппе 'идти/пойти в туалет'. Ср.:

русск. *Иван Иванович, Виталик, Потапыч, Джон* (ср. *Где здесь у вас Иван Иванович?*); *белый дом, Париж* – вм. туалет; *зайти/сходить, позвонить Иван Ивановичу, Виталику, Потапычу, Джону*; *сходить в Париж* – вм. сходить в туалет;

польск. *edek/edzio/edziu* (польское мужское имя и его ласкательные формы), *biały dom, bruklin* (от англ. *Brooklyn* – названия самого густонаселенного района Нью-Йорка), *londyn* (русск. Лондон), *marlot* (от названия эксклюзивной варшавской гостиницы «Marriott») – вм. туалет; *iść (pójść)*

do wujka Czeška (букв. навещать/навестить дядю Чесека) – вм. посещать/посетить туалет; *luźna tereska* (букв. жидкая Терезка) – вм. понос; англ. *miss White* – вм. туалет.

Как легко заметить, для данной фигуры характерна игровая функция и смеховая экспрессия, так как эвфемистическая замена заключается в отклонении от нормы, предполагающей возникновение второго плана, резко контрастирующего с первым. Игровая, шутливая функция состоит в переключении с повседневного на неповседневное и в создании порядка за пределами пространства обыденной жизни.

В-третьих, как показывает анализ собранного материала, в языках продуктивны разговорные эвфемизмы, в основе которых лежит прием деперсонификации.

Иногда результатом деперсонификации является метафорическое сопоставление человека с животным, насекомым, например:

русск. *медвежья болезнь* – вм. понос; *откладывать/отложить личинку* – вм. испражняться/испражниться;

англ. *cock/lift a leg* (букв. поднять ногу) – вм. мочиться/помочиться; *turn up your tail* (букв. поднимать/поднять свой хвост) – вм. испражняться/испражниться, а применительно к женщине – и мочиться/помочиться.

Как правило, такие эвфемизмы носят иронический характер (если только они не применяются по отношению к животным). Следует заметить, что при образовании названных эвфемизмов имеет место не только метафора, но и метонимия, а точнее – металеписис, поскольку названо предшествующее табуированному действие.

Особую продуктивность в XX в. приобретает техническая метафора. Если раньше окружающий мир персонифицировался, ему приписывались качества и свойства человека, то теперь, напротив, человек, его свойства сравнивается с работой машины, механизма. Как отмечается в научной литературе, метафора, основанная на сравнении с каким-либо механизмом или его деталью, возникла в Европе в XVI в. как модель объяснения устройства и функционирования физического мира. В эпоху романтизма и скептицизма ее активность сократилась. В настоящее время лингвисты говорят о «техногенном облике и образе нынешнего мира» (Костомаров 2005: 261). Сказанное нашло отражение, в частности, в рассматриваемой группе эвфемистических метафор туалетной темы, в которой в подавляющем большинстве случаев деперсонификация заключается в сравнении работы человеческого организма с работой механизма, технического средства, напр.:

русск. *авария* – о непроизвольном мочеиспускании или испражнении у детей; *гайка ослабла*; *желудочное расстройство*; *желудок расстроился* – о поносе; *на клапан давит* (о необходимости помочиться); *открыть шлюзы* (вм. помочиться) – человеческий организм сравнивается с работающей ГЭС;

польск. *iść (pójść) z hydrauliką* (букв. идти/пойти по делам гидравлики) – вм. идти/пойти помочиться или испражниться; *parcie na wentyl* (букв. давление на вентиль) – о необходимости мочеиспускания, преимущ. о муж-

чинах; *spuścić płyn* (букв. слить жидкость), *spuścić benzynę/paliwo* (букв. слить бензин/топливо) – в.м. помочиться;

англ. *sink* (букв. сточная труба), *sluice* (букв. шлюз) – в.м. туалет; *hopper* (букв. загрузочная воронка) – в.м. унитаз; *empty out* (букв. опорожняться/опорожниться); *ease springs* (букв. ослаблять/ослабить пружины), *drain the radiator* (осушать/осушить радиатор), *drain off* (букв. осушать/осушить) – в.м. мочиться/помочиться; *bale out* [букв. вычерпывать/вычерпать] – используется в мужской речи для обозначения процесса мочеиспускания (по аналогии с вычерпыванием воды из лодки).

Широко представлены техничко-урбанистические метафоры, связанные с различными сферами деятельности человека. Здесь можно отметить, в частности, технические и производственные метафоры:

русс. *кинуть шлак* – в.м. испражниться; *элеватор, рудник* – в.м. туалет; *руда, шлак* – в.м. кал;

польск. *ładunek lekki i ciężki* (букв. тяжелый и легкий груз) – в.м. моча и кал; *zmniejszyć zbędny bagaż / zrzucić balast / gruz* (букв. уменьшить лишний багаж / сбросить балласт/груз), *nadać paczkę* (букв. отправить посылку) – в.м. испражниться; *uczucia się komuś skropliły* (букв. у кого-то конденсировались чувства) – в.м. кто-то помочился; *wytwórnia/fabryka czekolady* (букв. фабрика шоколада), *gazownia* (букв. газовый завод) – в.м. туалет.

Одним из более распространенных средств реализации эвфемистической замены являются метафоры-урбанизмы, которые широко представлены в микрогруппе 'туалет':

русс. *деканат, кабинет, белый дом, дворец съездов* – в.м. уборная, туалет; польск. *biuro* (букв. бюро); *galeria* (букв. галерея); *klub* (букв. клуб); *biały dom* (букв. белый дом); *pałac* (букв. дворец); *sala/salon piękności* (букв. кабинет/салон красоты); *drogeria/perfumeria* (букв. магазин парфюмерии); *zoo* (букв. зоопарк).

Кроме того, встречаются также метафоры сферы бизнеса и финансов. Однако эта группа представлена незначительно:

русс. *инвестировать* – в.м. испражняться, *сберкасса* – в.м. унитаз, *вакантное место* – в.м. уборная, туалет;

польск. *papier wartościowy* (букв. ценная бумага) – в.м. туалетная бумага, *składać wizytowy bilet* (букв. направлять визитную карточку) – в.м. помочиться (о собаке);

англ. *visiting card* (букв. визитная карточка) – в.м. следы кала и мочи животных, *deposit* (букв. банковский вклад) – в.м. кал; *bank* (банк), *office* (офис) – в.м. туалет; *make a deposit* (букв. делать/сделать вклад), *do one's business* (букв. сделать дело, провести сделку), *mail a letter* (букв. отправлять/отправить письмо) – в.м. испражняться/испражниться.

По функциональному параметру обращают на себя внимание военные метафоры деликатной темы. Вот примеры:

русс. *бросать бомбу* – в.м. испражняться; *бомба* – в.м. кал; польск. *schron* (букв. убежище) – в.м. уборная, туалет; *mina* (букв. мина) – в.м. кал, помет животных;

англ. *army form blank* (букв. армейский бланк) – вм. туалетная бумага; *intelligence centre* (букв. разведывательный центр) – вм. туалет. Последний эвфемизм фиксируется со времени войны в Персидском заливе 1991 г. Возможно, в основе метафоры лежит сходство двух объектов по их важности.

Кроме того, в английском языке обнаружены также спортивные метафоры: *make a pit-stop* (букв. сделать пит-стоп) – вм. мочиться/помочиться и *flying handicap* (букв. воздушные гонки) – вм. понос. Здесь метафорический перенос сочетается с метонимией.

Особую группу метафорических «смягченных» обозначений, выступающих исключительно в английском языке, образуют морские метафоры, такие как: *pump bilges* (букв. откачать воду из трюма), *pump ship* (букв. откачать воду с корабля) – вм. мочиться/помочиться. Отметим, что данные метафоры употребляются только применительно к мужчине в разговорной речи, см., напр., *See if you can put a Martini together while I pump bilges* (Clancy, *Clear and Present Danger*).

Как известно, метафорические наименования образуются в результате переосмысления слов с «перцептивными значениями», так наз. дескриптивной лексики (Москвин 2007: 397). Эвфемистическая перцептивная метафора основана на чувственно-воспринимаемых признаках и обозначает все, что может стать предметом сенсорного восприятия. Спецификой этого типа метафоры является сходство ее означаемого и того образа, который становится внутренней формой метафорического значения. Охарактеризуем эвфемистические метафоры туалетной темы с учетом модулов перцепции: зрения, слуха, осязания, обоняния и вкуса.

В сопоставляемых языках представлены визуальные, аудиальные, обонятельные и вкусовые метафоры туалетной тематики, при этом самую значительную группу составляют визуальные метафоры, образованные на основе сходства формы, цвета, консистенции и текстуры.

Визуальные метафоры широко представлены во всех микрогруппах эвфемизмов. Большинство визуальных метафор образуется на основе сходства формы:

1. 'дефекация':

русс. *вить веревки, выложить осьминога, слона слепить, давить пасту, метнуть глину*;

польск. *rzucić balast/gruz* (букв. сбросить балласт/груз), *wyciskać kreta/ wypuścić węża/krecika na wolność* (букв. выжимать крота/выпустить ужа/кротика на волю), *walić kleksa* (букв. метать кляксу), *rzeźbić (wyrzeźbić) klocka* (букв. выпилить/выпиливать чурбан), *stawiać (postawić) szyszkę* (букв. ставить/поставить шишку);

англ. *drop a log* (букв. ронять/уронить бревно), *cast your pellet* (букв. бросать/бросить свои шарики/катышки);

2. 'отходы жизнедеятельности':

русск. *горох, горошек, орешек, колбаса, бомба*;

польск. *figurka z brązu* (букв. фигурка из бронзы), *grzyb* (букв. гриб), *kasztan* (букв. каштан), *kleks* (букв. клякса), *kloc/klocek* (букв. чурбан/чурбанчик), *kret* (букв. крот), *szyszka* (букв. шишка), *wąż* (уж) – вм. кал; *krowi placek* (букв. коровья лепешка) – вм. кал животного;

англ. *hooky* (букв. загнутый) – вм. кал человека; *bin* (букв. лепешка), *cowpat* (букв. коровий шлепок) – вм. кал животного;

3. 'мочеиспускание'(у мужчин):

русск. *шнурки развязать, потискать ящерицу, подоить свою ящерицу, давить анаконду; помочь своему другу* (сочетание метонимического с метафорическим переносом);

польск. *wprowadzić pieska/jamnika/węża na spacer* (букв. выгулять собачку/таксу/змея);

4. 'сосуд':

русск. *трон, утка*;

польск. *tron* (букв. трон) – вм. унитаза; *kaczka* (букв. утка) – вм. сосуд для сбора мочи, используемый преимущественно в больницах;

англ. *corner* (букв. угол) – вм. писсуар; *close stool* (букв. закрытый табурет), *throne* (букв. трон) – вм. унитаза; *pan* (букв. поддон), *night jar* (букв. ночной кувшин) – вм. сосуд для сбора мочи; *duck* (букв. утка) – вм. сосуд для сбора мочи, используемый преимущественно в больницах; *pig's ear* (букв. свиное ухо) – вм. сосуд для сбора мочи, используемый на корабельном мостике.

Для метафорического осмысления «туалетной темы» анализируемых языков характерен механизм противопоставления большого и малого в процессах испражнения и мочеиспускания. Ср. парные эвфемизмы:

русск. *сходить по-большому – сходить по-маленькому/по малой нужде*;

польск. *duża potrzeba* (букв. большая потребность) – *mała potrzeba* (букв. малая потребность);

англ. *big jobs* (букв. большая работа) – *little jobs* (букв. маленькая работа).

Визуальные метафоры, основанные на сходстве по цвету, частотны в эвфемизмах следующих микрогрупп:

1. 'туалет':

русск. *белый дом*;

польск. *biały dom*;

англ. *blue room* (букв. голубая комната) – вм. туалет в самолете (аналогия по цвету из-за приглушенного освещения на борту);

2. 'сосуды':

русск. *белый друг* – вм. унитаза;

англ. *white telephone* (букв. белый телефон), *miss White* (мисс Вайт (white – белый)) – вм. унитаза; *daisy* (букв. маргаритка) – вм. горшок для сбора мочи (данный эвфемизм фиксируется с конца XIX – начала XX вв. и содержит указание на популярную в Британии того времени расцветку горшка).

Как легко заметить, основанием для косвенного эвфемистического наименования чаще всего является здесь самый распространенный (белый) цвет стен помещения и унитаза.

В то же время различия в цветовых ассоциациях можно проследить в метафорических наименованиях мочи в разных языках. В качестве примера можно привести русский эвфемизм *желтая вода* (вм. моча) и английский образный перифраз *strain your greens* (букв. цедить/процедить свою зелень).

Аналогия по цвету и текстуре имеет место в метафорах микрогруппы 'отходы жизнедеятельности', см. примеры эвфемистического наименования кала:

русск. *шоколад, халва, глина*;

польск. *czekolada* (букв. шоколад), *kasztan* (букв. каштан);

англ. *body wax* (букв. телесный, физический воск), *brown stuff* (букв. коричневая масса).

В польском и английском языках в основе старого эвфемистического наименования мочи лежит сравнение по консистенции с другим видом жидкости – водой. Ср. устаревший в настоящее время польский эвфемизм *wodę puszczać* (букв. пускать воду) – вм. мочиться и соответствующие английские эвфемизмы: *make water* (букв. делать/сделать воду), *pass water* (букв. передать воду).

Сходство с выделением иного рода наблюдается в английском языке в эвфемистическом обозначении мочеиспускания *shed a tear* [букв. проливать/пролить слезу]. Наличие общего признака (слезы и моча – это жидкие выделения организма человека) делает возможным подобную маскировку процесса мочеиспускания.

Аудиальные метафоры эвфемизмов туалетной темы в русском языке не образуются, перцептивное значение слуха реализуется в метонимических переносных значениях. В польском языке немногочисленные аудиальные метафоры распространены в группе 'мочеиспускание': *spuścić płyn* (букв. слить жидкость), *odcedzać (odcedzić) kartofelki/ziemniaki/pyrki* (букв. отцеживать/отцедить картошечку/картофель), *ostudzić kartofle* (букв. студить картошку), *odlewać (odlać) kartofle/ziemniaki* (букв. сливать/слить воду, сварив картошку/картофель). А. Домбровска в своем словаре отмечает, что аудиальные метафоры построены в данных примерах на звуковом сходстве действий слива и мочеиспускания (Dąbrowska 2005: 66).

Характерной особенностью аудиальной метафоры как приема эвфемии в английском языке является широкое использование ономотопеи. Под термином «ономатопея» или «звукотрагматизм» понимается слово, возникшее на основе фонетического уподобления неречевым звукокомплексам. Так, по мнению зарубежных исследователей эвфемии, образуется большинство эвфемизмов детского языка. В словарях эвфемизмов современного английского языка подобные единицы имеют помету *onomatopoeic usage* (звукотрагматическое использование) [Holder 2003], *onomatopoeic* (звукотрагматический) (Ayto 2000) или *onomatopoeic euphemism* (звукотрагма-

тельный эвфемизм) (Enright 2005). К звукоподражательным относят эвфемизмы, употребляемые вместо прямого обозначения процессов мочеиспускания и дефекации на том основании, что в основе их образования лежит фонетическое уподобление звукам, сопутствующим этим процессам. Например, в основе звукоподражательного глагола *tinkle* (звенеть, звонить, звякать), как полагают, лежит фонетическое уподобление звукам колокольчика. С помощью смысловой ассоциации по сходству (звук колокольчика напоминает звук капающей в унитаз мочи) названный глагол приобретает эвфемистическое значение 'мочиться'.

Аналогично возникло новое эвфемистическое значение в звукоподражательном глаголе *whizz* (проноситься со свистом). Наличие свистящих согласных, как полагают зарубежные исследователи, свидетельствует о «фонетическом уподоблении» звуку рассекаемого воздуха. Смысловая ассоциация по сходству (звук рассекаемого воздуха напоминает звук льющейся мочи) позволяет употреблять данный глагол как заместитель прямого обозначения мочеиспускания. Таким образом, ономотопея в английском языке является средством создания аудиальной метафоры, лежащей в основе образования данных эвфемизмов.

Аудиальные метафоры деликатной темы эвфемизмов английского языка содержатся в микрогруппе 'сосуды'. Например, эвфемизм *thunderbox*, представляющий собой сложение слов *гроза* + *ящик*, содержит скрытое сравнение звуков грозы, раскатов грома со звуками, которые слышны при работе унитаза.

Поскольку предмет эвфемизации туалетной темы является, по выражению В.П. Москвина, «отвратительным действием» (Москвин 2007: 166), а эвфемизмы призваны улучшить номинацию, модусы обоняния и вкуса представлены, как правило, при помощи антифразиса, фигуры двусмысленной речи, основанной на контрасте видимого и скрытого смысла, которая приписывает предмету «ту черту, которая отсутствует» (Дземидок 1974: 80).

Обонятельные метафоры чаще всего образуются в результате иронического (антонимического) переосмысления и употребляются в игровой функции. Они имеют место в двух микрогруппах:

1. 'туалет':

польск. *drogeria/perfumeria* (букв. магазин парфюмерии), *dzielnica wody kolońskiej* [букв. квартал одеколона];

англ. *Spice Island* (букв. остров благоухания);

2. 'отходы жизнедеятельности' (о запахе испражнений):

русск. *амбре, благовоние*;

польск. *aromat(y)* (аромат), *perfumy francuskie* (букв. французские духи).

Значительно реже особенности туалетных запахов имеют сопоставление на «реальной» основе, напр.:

польск. *sala chemiczna* (букв. химический кабинет), *gazownia* (букв. газовый завод) – вм. туалет;

англ. *stale* (букв. несвежий, затхлый) – в м. моча (устар.). Образование эвфемизма относится ко времени, когда мочу собирали, хранили для последующего использования в прачечных. Это было задолго до изобретения моющих средств (Holder 2003: 383). Вероятно, поэтому неприятный запах, исходивший от собранной мочи, ассоциировался с чем-то несвежим.

В анализируемых языках обнаружены также примеры антифразисного представления перцептивного значения *вкуса*, ср. примеры в микрогруппе 'отходы жизнедеятельности' (кал человека):

русс. *шоколад, халва*;

польск. *czekolada* (букв. шоколад);

англ. *honey* (букв. мед) (амер.).

Как показывает представленный материал, в некоторых микрогруппах четко прослеживаются гендерные различия. Безусловно, экстралингвистический фактор в данном случае (то есть отличия в способах мочеиспускания мужчин и женщин) предопределил различия в образовании и употреблении эвфемизмов. Например, в микрогруппе 'мочеиспускание' в польском и русском языках частотны метафорические эвфемизмы, которые используются в мужской речи. Это, прежде всего, эвфемистические метафоры разговорно-просторечной сферы. Они часто построены на метафорическом переносе наименования животного на половой орган мужчины (Dąbrowska 1994: 203; Zimnowoda 2003: 105-106), а также (в польском языке) на звуковом сходстве действий слива и мочеиспускания, как например:

русс. *потискать ящерицу, подоить свою ящерицу, давить анаконду*;

польск. *wyprowadzić pieska/jamnika/węża na spacer* (букв. выгулять собачку/таксу/змея); *spuścić płyn* (букв. спустить жидкость), *odcedzać (odcedzić) kartofelki/ziemniaki/ pyrki* (букв. отцеживать/отцедить картошечку/картофель), *ostudzić kartofle* (букв. студить картошку), *odlewać (odlać) kartofle/ziemniaki* (букв. сливать/слить воду, сварив картошку/картофель).

Половая гендерная дифференциация единично представлена в польском языке также в микрогруппе эвфемизмов обозначения туалета, ср., например: *sala/salon piękności* (букв. кабинет/салон красоты) – в м. женский туалет; *londyn* (русс. Лондон), *kasyno* (казино) – в м. туалет (обычно мужской).

Особым приемом образования эвфемизмов можно считать также обратное действие, так называемую «буквализацию» метафоры, суть которой заключается в совмещении прямого и переносного значений при наличии слова, сигнализирующего о реализации прямого употребления. Данный прием представлен в собранном польском материале единичным примером шутливого заменителя: *twarde dowody* (букв. твердые доводы) – в м. кал животных, преимущ. о собаке.

В заключение необходимо подвести основные итоги проведенного исследования.

Анализ и сопоставление метафорических эвфемизмов деликатной темы в русском, польском и английском языках позволяет выявить черты общего

в приемах эвфемизации, а также в понятийном и собственно лингвистическом аспектах эвфемии в сопоставляемых лингвокультурах.

1. Этика речевого общения предписывает говорящему и слушающему создание благожелательной тональности разговора. Установка на данные нормы обязывает коммуниканта выбирать смягчающий, эвфемистический способ выражения. С помощью косвенного наименования нежелательного денотата снимается коннотация социальной неприемлемости, поэтому эвфемизация как своеобразная форма социального контроля речевой ситуации и стратегия не прямой коммуникации всегда направлена на достижение конкретной прагматической цели: передачи имплицитной информации путем зашифровки ситуативно неуместных тем и слов согласно нормам риторического этоса.

2. Проанализированная нами предметно-понятийная (деликатная) сфера подвергается строгому табуированию в сопоставляемых лингвокультурах. При этом традиционно не вербализуемыми в трех языках считаются как слова, называющие те или иные физиологические отправления организма, продукты жизнедеятельности человека, так и наименования мест, сосудов, связанных с осуществлением этих отправлений.

3. Общность приемов и средств эвфемизации в сопоставляемых языках является проявлением универсальных когнитивных основ номинативного пространства языка. Как показал проведенный анализ метафорических эвфемизмов, существует определенная корреляция между вербальными и когнитивными структурами в разных лингвокультурах.

4. В рамках рассматриваемой деликатной темы метафора зарекомендовала себя как продуктивная модель эвфемизации. Метафорические эвфемизмы романтизируют, поэтизируют и просто смягчают стигматизированное значение слова. Представляется, что определенную роль играет здесь семантическая двуплановость значения эвфемизма, которая заключается в синхронной реализации признаков первичного и вторичного денотатов. Нередко в эвфемистических переименованиях особенно ощутимо проявляется игровая (людическая) интенция, когда изображение объекта представляется с расчетом на игровой эффект.

5. Эвфемистические единицы деликатной темы сопоставляемых языков гендерно параметризованы. Гендерная дифференциация особенно четко прослеживается в заменных наименованиях со значением 'пойти помочиться', 'испражняться' и 'туалет', что обусловлено биологическими половыми отличиями, а также гендерными особенностями женской и мужской устной речи.

6. Эвфемизмы не входят в активный словарь языка (словарь, находящийся в постоянном употреблении носителями языка) и поэтому, как правило, не являются предметом изучения в ходе освоения языка как иностранного. Однако сходство механизмов и мотивов, лежащих в основе семантического переосмысления и способов прямой номинации в разных языках, несомненно, облегчает понимание данного слоя лексики в процессе межкультурной коммуникации.

Лексикографические источники

- Ковшова М. Л. (2007), *Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов*, Москва.
- Сеничкина Е. П. (2008), *Словарь эвфемизмов русского языка*, Москва.
- Czeszewski M. (2008), *Słownik polszczyzny potocznej*, Warszawa.
- Dąbrowska A. (2005), *Słownik eufemizmów polskich*, wyd. II, Warszawa.
- Dubisz S. (red.) (2006), *Uniwersalny słownik języka polskiego PWN*, wyd. II, Warszawa.
- Kaczmarek L., Skubalanka T., Grabias S. (1974), *Słownik gwary studenckiej*, Wrocław.
- Zgółkowa H. (red.) (2004), *Nowy słownik gwary uczniowskiej*, Wrocław.
- Аyto J. (2000), *Dictionary of Euphemisms*. Bloomsbury, Britain.
- Berdoll L. (2003), *Very Nice Ways to Say Very Bad Things. The Unusual Book of Euphemisms. Well, There It Is* Del Valle, Texas.
- Enright D. J. (2005), *In Other Words. The Meanings and Memoirs of Euphemisms*. Michael O'Mara Books Ltd., London.
- Holder R.W. (2003), *Oxford Dictionary of Euphemisms. How Not to Say What You Mean*. Oxford University Press Inc., New York.
- Neaman J. S. & Silver C. G. (1990), *Kind Words: A Thesaurus of Euphemism*. Avon Books, New York.
- Rowson H. A. (2002), *Dictionary of Euphemisms and Other Doubletalk*. Castle Books, New York.

Библиография

- Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. (1991), *Русская политическая метафора (материалы к словарю)*, Москва.
- Гридина Т. А. (1996), *Языковая игра: стереотип и творчество*, Екатеринбург.
- Дементьев В. В. (2003), *Проблемы непрямой коммуникации*, [в:] *Прямая и непрямая коммуникация*, В. В. Дементьев (отв. ред.), Саратов, с. 5–16.
- Дземидок Б. (1974), *О комическом*, Москва.
- Женетт Ж. (1998), *Работы по поэтике. Фигуры: том 1–2*, Москва.
- Карасик В. И. (2007), *Дискурсивная персонология*, [в:] *Язык, коммуникация и социальная среда*, выпуск 7, Воронеж, с. 78–86.
- Костомаров В. Г. (2005), *Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики*, Москва.
- Ларин Б. А. (1961), *Об эвфемизмах*, [в:] *Проблемы языкознания*, Ленинград, с. 113–130.
- Лапорт Д. (2010), *Non olet – Не пахнет*, [в:] *Ароматы и запахи в культуре. Книга 1*, сост. О. Б. Вайнштейн, Москва, с. 563–577.
- Левкиевская Е. Е. (1999), *Эскременты в апотропеической и лечебной магии*, [в:] *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, Н. И. Толстой (ред.), том 2, Москва, с. 437–439.
- Москвин В. П. (2007), *Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь*, Ростов-на-Дону.
- Теля В. Н. (1988), *Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира*, [в:] *Роль человеческого фактора в языке*, Б. А. Серебренников (отв. ред.), Москва, с. 173–204.
- Шейгал Е. (2004), *Семиотика политического дискурса*, Москва.
- Dąbrowska A. (1994), *Eufemizmy współczesnego języka polskiego*, Wrocław.

- Dąbrowska A. (1992), *Eufemizmy mowy potocznej*, [w:] *Język a Kultura*, tom 5: *Potoczność w języku i kulturze*, J. Anusiewicz i F. Nieckula (red.), Wrocław, s. 119–178.
- Douglas M. (2007), *Czystość i zmaza*, Warszawa.
- Wasilewski J. S. (2010), *Tabu*, Warszawa.
- Zimnowoda J. (2003), *Opozycja homo – animal w ekspresywnych zwrotach językowych*, [w:] *Język a Kultura*, tom 15: *Opozycja homo – animal w języku i kulturze*, A. Dąbrowska (red.), Wrocław, s. 103–115.

Summary

Elena Ivanyan, Halina Kudlińska, Irina Nikitina

Metaphorical euphemisms of a delicate theme in Russian, Polish and English

Metaphors as a type of euphemism formation in thematic group of Russian Polish and English toilet euphemisms are considered. Different types of metaphorical euphemisms are investigated. The analysis demonstrates common devices in euphemism formation and common conceptual and linguistic aspects of euphemisation in Russian, Polish and English. Common devices and large number of interlingual euphemisms in the languages may justify the universal character of the cognitive basis of the nominative language area.